
ПРИРОДА И РЕЛИГИЯ В РОМАНТИЧЕСКОЙ МЕТАФИЗИКЕ

А.А. Черничкина

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Немецкие романтики, вопреки существующему предубеждению, не являются последователями субъективного идеализма Фихте. На основе его философской системы, противовесом которой выступает реализм Спинозы и позаимствованные романтиками из его учения идеи монизма и пантеизма, романтики создают собственную метафизику. В основе её – учение Шеллинга о природе как организме, замкнутом, целостном, состоящем из других, тесно связанных между собой организмов. В своей системе они пытаются объединить природу и религию, вернуть Творцу законное место в мироздании. То есть, после Юма и Канта, уничтоживших традиционную метафизику, именно романтики пытаются восстановить её важнейшие философские принципы.

Ключевые слова: метафизика, природа, религия, первый принцип философии, натурфилософия, реализм, идеализм, единство субъекта и объекта, наука, органическая концепция природы.

Само слово «метафизика» применительно к любой философской системе в посткантовской Германии требует определённых пояснений. Связано это с тем, что сначала Кант, вопреки своему желанию сохранить метафизику в некоторых областях – к примеру, в области априорных суждений или морали, а затем, куда более решительно, Фихте – исторгли метафизику из области философии. В этой статье сделала попытку показать, что немецкие романтики – а это, с одной стороны, Фр. Шлегель, Новалис и другие члены Йенского кружка, а с другой стороны, идеологически близкий к ним философ Шеллинг вновь пытались спасти метафизику путём «неравного брака»¹ субъективного идеализма Фихте и реализма Спинозы. И ключевым теоретическим моментом в построении этой системы была одна из базовых идей романтизма – органическая концепция природы.

Метафизика здесь понимается в традиционном смысле – как учение о сверхприродном, абсолютном, и в конечном счёте как учение о Боге. Как раз это – учение о чем бы то ни было, выходящем за пределы опыта – стало невозможно после знаменитого кантовского переворота. А субъективизм Фихте вообще не предполагал наличия в мире чего-то высшего, чем абсолютное Я. Романтики пытались преодолеть этот субъективизм и вернуть религию в философию. Трудности романтического проекта заключались в том, что они пытались совместить субъективизм и реализм. При этом и концепция Фихте, и пантеизм Спинозы устранили Бога из системы мироздания, оставив лишь некое абсолютное начало. А одной из задач романтиков было вновь примирить традиционную религиозность и философию.

---

¹ По выражению Фр. Байзера в статье «The Paradox of Romantic Metaphysics».

Для начала следует прояснить позицию романтиков в отношении двух столь противоположных философских систем.

Идеалистическая философия Фихте отрицает реальность вещей-в-себе; единственной реальной субстанцией, вещью-в-себе, по Фихте, является Я – творческое Эго, а всё внешнее по отношению к нему – порождение его актуального или потенциального сознания. Всё царство природы сводится лишь к ощущениям и опыту Я, соответственно, разум и свобода мыслящего субъекта ставятся выше опыта. Высшим Абсолютом в построении Фихте опять же оказывается субъект – Я, а значит, единственная цель познания – самопознание Я. Таким образом, у Фихте самопознание становится первым принципом философии, базой, на которой выстраивается всякое знание, и конечной же точкой, в которой всякое знание завершается, приходя к полноте.

Переходя к романтической рецепции философии Фихте, начнём с того, что, по мнению Манфреда Франка, является основным пунктом романтической философии – крайний антифундаментализм, отрицание возможности всяких первопринципов в философии. Так, Фридрих Шлегель считал, что поиск подобных принципов неизбежно приводит в тупик, ибо предположение об их наличии невозможно доказать или подтвердить: «Полностью абстрагироваться от всех прошлых систем и выбросить всё это, как пытался Декарт, – абсолютно невозможно. Подобная попытка совершенно нового творения из собственного разума, полного забвения всего, что было мыслимо прежде, была также предпринята Фихте – и он тоже потерпел поражение», – писал Шлегель [1. S. 111]. Не стоит начинать познание с убеждения в наличии некоего фундаментального основания, тем более что Я не может служить подобным основанием. В своей работе *Fichte-Studien* Новалис утверждает, что Я есть в сущности своей понятие отношения, “relatum”, а значит, не может выступать в роли Абсолюта [2. P. 44].

Но основной пункт в учении Фихте, который подвергся критике со стороны романтиков – его несправедливость к реальности опыта, отрицание существования внешнего реального мира природы. Это возражение может показаться несправедливым, учитывая, что одной из основных целей «Наукоучения», по мысли Фихте, было объяснить необходимость наших представлений, показать реальность вещей в пространстве, независимых от познающего субъекта. Но этот эмпирический реализм, который пытается выстроить Фихте, оказывается несостоятельным: при том, что он позволяет объектам существовать вне зависимости от эмпирического Я, он оставляет их всецело во власти трансцендентального Я, законодателя природы. Романтики же требовали высшего реализма, истинной свободы вещей от сознания; природы, независимой от эмпирического и от трансцендентального Я. Этот высший реализм был одновременно и предпосылкой и результатом их интереса к учению Спинозы.

Было бы несправедливо, однако, утверждать, что учение Фихте вызвало лишь критику со стороны романтиков. Прежде всего, стоит признать, что само возникновение романтического кружка обязано выходу в свет его ра-

боты «Grundlage der gesammten Wissenschaftslehre» в 1794 г., а также его лекциям в Йенском университете в том же году. Несомненно, все юные романтики – и Шлегель, и Новалис, и Шеллинг, и Гёльдерлин пережили период восторженного почитания Фихте, и лишь позднее – период критического переосмысления его идей. Что особенно привлекало их в его построениях – это радикальная концепция человеческой свободы, навеянная примером Французской революции, свободы индивидуума полагать себя и определять порядок вещей в мире. Кроме того, понятие продуктивной способности воображения, предложенное ещё Кантом и лишь усиленное Фихте, имело важнейшее значение для романтической философии.

Но один промах фихтевской философии, а именно его признание, что первый принцип «наукоучения» – Эго полагает себя абсолютно – не приводит к реальности не-Эго, противоположного себе, то есть не может ограничить самое себя, окончательно убеждает романтиков в том, что следует преодолеть узость субъективного идеализма и в итоге приводит их к учению Спинозы.

Шеллинг писал в одном из ранних писем к Гегелю: «За это время я стал Спинозистом – ты скоро узнаешь, каким образом. Для Спинозы мир (объект, противостоящий субъекту) – это *все*. Для меня – это *Я*. Мне кажется, что подлинное отличие критической философии от догматической состоит в том, что первая исходит из абсолютного (никаким объектом ещё не обусловленного) *Я*, а последняя – из абсолютного объекта или не-*Я*. В своих конечных выводах эта философия ведет к системе Спинозы, а первая – к системе Канта». Шеллинг пытается (и будет это делать всю жизнь!) совместить то и другое» [3. С. 25].

Спиноза полагал, что единственная несомненная реальность – это целостная, объективная природа, в которой всё подчинено высшим законам, и действительность ни в коей мере не зависит от ощущений или познания. Субъективность же не самостоятельна, она лишь одно из проявлений, или часть природы как целого. И потому в познающем субъекте природа – объект, познающий самое себя. То есть в противоположность фихтевскому субъективизму Спиноза отрицает возможность свободы – а именно свободного выбора, независимого от внешних причин и влияний. Все поступки, желания и волеизъявления человека – часть природы, и возникают по необходимости.

Что восхищало романтиков в учении Спинозы – это синтез религии и науки. Пантеизм Спинозы представлялся им способным снять устоявшееся противоборство веры и разума. Наука уподоблялась религии путём обожевления природы, а религия уподоблялась науке, если Бога можно было увидеть в природных явлениях. Но здесь позиции Спинозы и Фихте, субъективизма и реализма, особенно несовместимы. Ведь если природа божественна и абсолютна, то нет трансцендентального царства свободы над природой или за пределами её. И совершенно обесценивается способность продуктивного воображения субъекта и индивидуальная личность.

Таким образом, обе крайние системы в основе своей фундаментальны. Объективный реализм Спинозы ставит первым принципом философии природу, объект или не-Я; фихтевский субъективизм предлагает начинать всякое познание с Я, или субъекта. Романтики же выбирают средний путь. «Наша философия не начинается, как другие, с первого принципа – где первое допущение является как бы центром первого кольца кометы, а все остальное теряется в длинном туманном хвосте ее; мы же отправляемся от малого, но живого зерна – наш центр лежит в середине» [1. С. 328]. Сходным образом излагает мысль Шлегеля Р.М. Габитова: «Философия, следовательно, должна исходить не из субъекта («Я») – точка зрения Фихте – и не из объекта (универсума) – объективно-идеалистически интерпретированная точка зрения Спинозы, – а из субъект-объектного единства, из тождества субъекта и объекта (то есть из «центра», «целостности»)» [4. С. 39].

В сущности, принцип субъект-объектного единства был опять же позаимствован романтиками у Фихте. Согласно этому принципу, субъект и объект или идеальное и реальное – в конечном счёте едины. Сам Фихте использовал этот принцип применительно к процессу самопознания, полагая, что с его помощью самопознание может стать парадигмой любого знания. Эта идея основана на положении Канта о том, что субъект может познать лишь то, что сам он создал. А поскольку, согласно Фихте, субъект воплощает свою активность в объектах, то знание его о них приобретает характер самопознания, а значит, и всякое наше знание о внешних по отношению к нам вещах основано на процессе самопознания.

Взяв у Фихте идею слияния субъективного и объективного начал, романтики не приняли чисто фихтеанского понимания этого принципа. Одно из наиболее существенных возражений романтиков, по словам Фредерика Байзера, таково. «Во-первых, сами понятия субъекта и объекта имеют смысл только тогда, когда они противопоставлены; они имеют своё специальное значение только в области опыта; но принцип этот претендует на трансцендентальность, на объяснение самой возможности опыта, потому не может быть частью опыта; в этом смысле, однако, он не может быть ни субъективным, ни объективным» [5. Р. 136]². При таком прочтении, какое предложил Фихте, этот принцип не выполняет своей задачи объяснить происхождение знания. Объект выступает либо неотторжимой частью субъекта, и тогда вообще всякое отношение между ними снимается, либо непознаваемой внешней субстанцией – остаётся выбор между самопознанием или вещью-в-себе. Признание Фихте, что для всякого конечного познающего эта дилемма не решаема, было воспринято молодым Шеллингом и Гегелем как признание собственного провала.

Итак, для того чтобы обосновать реальность внешнего мира, восстановить справедливость по отношению ко всему *другому* и не-Я, романтики пы-

² По словам автора, эти рассуждения можно найти у Гёльдерлина в знаменитом фрагменте «Суждение и Бытие», а также у Шеллинга в «Изложении моей философской системы» и у Новалиса в уже упоминавшейся работе «Fichte-Studien».

таются сформулировать принцип идентичности субъекта и объекта, который учитывал бы наше восприятие реальности и не противоречил бы простому жизненному опыту, в котором это единство представляется невозможным.

Здесь мы и подходим к одному из базовых принципов романтической философии – органической концепции природы. Подробное выражение и полноценную разработку эта концепция получила в работах Шеллинга – сначала в 1798 г. в работе «О мировой душе», а затем в «Первом наброске системы натурфилософии» 1799 г. Но похожие идеи встречаются в заметках Фридриха Шлегеля, Новалиса и Гёльдерлина.

В основе этой концепции лежит понятие «цели природы» (Naturzweck), которое Кант объясняет в § 65 «Критики способности суждения» – принципиально важной работы для Шеллинга. По словам Канта, нечто является целью природы, только если выполняет два неперемennых условия. Во-первых, оно должно представлять органическое единство, где каждая часть неотделима от целого и где идея целого определяет место и назначение каждой части. Во-вторых, оно должно быть вещью само-созидающей и само-организующей, то есть все его части являются взаимно причиной и следствием друг друга, не имея иных внешних причин. Кант подчёркивает, что это второе условие отличает всякую природную вещь от произведения искусства. И первое, и второе сходны в том, что создаются согласно некоей идее законченного целого, но только природная вещь само-продуктивна и самоценна. её облик и структура восходят к некоторому внутреннему принципу, а не привносятся извне, как замысел произведения искусства.

Органическая концепция природы вырастает из обобщения и расширения кантовской природной вещи до природы в целом. Она заключается в том, что природа в целом есть одна огромная природная цель, каждая часть которой также является природной целью, так что природа представляет собой организм организмов. В этой концепции утверждается единая жизненная сила, пронизывающая всю природу, так что все различные виды минералов, растений, животных, все возможные виды материи представляют собой разные области и ступени всеобщей организации природы и её развития. Вся природа образует одну великую иерархию, которая состоит из разных уровней организации жизненной силы. Она вначале выражается в простейших формах, затем проходит стадии всевозможных минералов и камней, овощей, цветов, животных и птиц. И, наконец, достигает пика в высших формах организации жизни, одной из которых является человек. На вершинах этой иерархии – сознание философа, способного к глубокому познанию, и творческая гениальность художника. И в этом пике заключены одновременно все силы природы. А значит, постижение природы художником или философом одновременно является постижением природой самой себя посредством них.

Одно из важнейших положений этой концепции заключается в том, что ум и тело более не являются разными типами, сущностями противоположной природы – а лишь разными уровнями организации. Тело и материя –

низшая форма, а дух и мыслящий разум – высшая ступень организации жизненной силы природы. Шеллинг подчёркивает: «Природа должна быть видимым духом, а дух – невидимой природой» [6. С. 128].

Разрабатывая свою органическую концепцию, Шеллинг был в курсе всех значительных открытий и достижений естествознания своего времени. Ещё с ранних лет испытывая деятельный интерес к природе, он следил за открытиями учёных из разных концов Европы, внешне не связанными между собой, и искал путь объединения всех новых веяний в новую теорию, которая преодолела бы кризис устаревшей науки, назревший в конце XVIII столетия. Картезианский механицизм, все ещё представлявший собой основную теорию объяснения мира, опирался на постулат о том, что сущность материи есть протяжённость, и сама она совершенно инертна, способна к движению только, если что-то подействует на неё извне. Согласно этой теории, всякое событие объясняется через воздействие одного тела на другое. Если принять эту теорию, то предстоит сделать трудный выбор: либо источник жизни помещается вне природы – так поступают дуалисты, либо же жизнь сводится к материи, находящейся в движении – так считают механицисты. Причём если последние, придерживаясь принципов натурализма, игнорируют многие характерные качества жизни, то первые, принимая эти качества, помещают их причину в таинственную надприродную область, исторгая её из области науки.

Теория природы как организма помогала снять недостатки обеих точек зрения и свести их воедино. Поскольку организм не сводится к механизму, жизнь не сводится к однажды запущенной машине. А поскольку организм действует по общим законам природы, законы жизни остаются в досягаемости если не экспериментальной науки, то, во всяком случае, философии. Мне кажется особенно важным и показательным, что, стоя на пороге XIX в., века небывалого роста науки и техники, Шеллинг и романтики обратили такое внимание на естествознание и искусство (техне). Интересуясь проблемами, которые никогда прежде не могли привлечь внимание философов, они утверждали, что только на пути всеобщего объединения разных областей знания и гения (творчество) возможно достижение нового просвещения человечества. Одна из самых характерных черт романтической философии – это требование синтеза философии, науки и искусства. «В то время как кантианцы – в неведении относительно того, что происходит вокруг, – всё ещё носятся с призраком вещи самой по себе, учёные подлинно философского склада без шумихи сообщают открытия, на которые вскоре непосредственно будет опираться вся здоровая философия» (*Шеллинг Ф.В.Й.*, цит. по [7. С. 40]).

Ещё одна дилемма, решить которую была призвана органическая концепция, возникла в области физики. Связана эта проблема с открытием закона гравитации Ньютоном. Никто не брался оспорить этот закон, который подтверждали множество наблюдений и экспериментов. Однако объяснить его с помощью механической теории было невозможно, поскольку он по-

стулировал наличие некоей взаимной силы между предметами, разделёнными пустым пространством. Согласно механической теории, предметы могли воздействовать друг на друга только путём непосредственного контакта, столкновения, сообщающего движение. Учёные предлагали ввести понятие некоей жидкости или иной материальной среды, наполняющей якобы пустое пространство, чтобы решить проблему «воздействия на расстоянии». Исследования в области электричества, химии и магнетизма в конце XVIII века ещё более усложнили положение, вызвав предположения о том, что сама материя включает в себя силы притяжения и отталкивания, а те силы, которые Ньютон утвердил для макрокосма, обнаруживались и в микрокосме. Материя уже не представлялась инертной протяжённостью, но исполненной таинственных сил. А значит, не только изучение жизни, но и исследование материи не допускало механических методов. Этот вывод стал основополагающим в первой работе Шеллинга по натурфилософии – «Идеи к философии природы» 1797 г.

Теперь, снимая разделение природы на два непреодолимых царства – материи и духа, Шеллинг стремился к объединению этих начал, как и к объединению средств их истолкования. Другие ранние романтики шли по тому же пути в своих рассуждениях. В этом стремлении к всеобщему единству романтикам помог монизм Спинозы, его представление о едином универсуме, в котором идеальное и материальное суть лишь два атрибута мироздания. А также пантеизм, идентифицирующий божественное с природой. В пантеизме романтики видели не атеизм, сводящий всё священное к природному, а, напротив, способ сохранить религию в век науки, возводя все природные проявления к единому божественному источнику.

В возвращении к спинозизму заключалась определённая трудность – Спиноза был истинным сыном своего времени и придерживался механицистской парадигмы объяснения явлений. А потому перед романтиками стояла задача реинтерпретации его учения в ключе современных достижений науки и новой органической концепции. Так, в застывший, раз и навсегда созданный мир Спинозы было включено движение, вечное становление и преобразование. Субстанция Спинозы стала жизненной силой, не вечной и неподвижной, а, наоборот, временной и изменяющейся, движущейся от хаотического к организованному и упорядоченному; из потенциальной сущности стала активной силой. Кроме того, органическая концепция включила в систему Спинозы телеологию. Поскольку божественная сущность представляла собой организм, она также стала природной целью, осуществляющей себя в мире природы.

Ещё одним важным моментом в органической теории стала иерархия природы, «великая цепь бытия». Спиноза принципиально расположил все сущности на одном уровне: камень, растение или человек занимали равное место в мироздании. Но в подобном ряду и Бог выступал равным каждому своему творению, растворяясь во всей природе и мельчайшей её части. Но в романтическом универсуме жизненной силы, согласно определённой цели

движущейся и осуществляющей себя в разных проявлениях, необходимо возникли стадии, уровни или разные ступени мироздания, по которым жизненная сила движется от низших к высшим. Таким образом, не только вся природа стала проявлением божественной воли; высшие способности и достижения человека также оказались воплощением божественного, осуществляющимся через человека.

Фредерик Байзер утверждает, что романтическая концепция стала плодом своеобразного объединения учений Спинозы и Лейбница. «Романтики смешали *vis viva* Лейбница и единую бесконечную субстанцию Спинозы, создав виталистический пантеизм или пантеистический витализм» [8. Р. 143].

Органическая концепция природы помогла романтикам преодолеть многие теоретические трудности своего времени, снимая крайности идеализма и реализма, механицизма и дуализма. Но некоторые аспекты этой теории требуют дополнительного пояснения. Так, например, вопрос о сущности божественного – основополагающий для всякой метафизики. Учитывая, что мир в органической концепции оказывается единым и замкнутым и нет ничего вне его, не оказывается ли Абсолют сведённым к умопостигаемым вещам, составляющим парадигму природного мира? Однако трансцендентность божественного для романтиков никто не отменял. При этом, в отличие от средневековой метафизики, Бог не был вынесен за пределы этого мира, а потому в принципе непознаваем. Но, составляя самый центр вселенной как организма, Бог был душой мира – тем самым высшим тождеством субъективного и объективного, недоступным для опыта и логического знания. Трансцендентность Абсолюта направляла романтиков на путь бесконечного движения к цели познания, а поиск непознаваемого привёл их к раскрытию роли эстетического опыта. Всякое знание начинается с логики, но при расширении и приближении к абсолютному обыденная логика теряет силу, и лишь эстетическая интуиция – моментальное схватывание и узнавание – приближает человека к познанию Бога и идеальной сферы Бытия. Посему Фридрих Шлегель утверждал, что всякая философия заканчивается в искусстве и как искусство. Ибо непосредственное эстетическое созерцание помогает в постижении того, что не может быть постигнуто путём дедуктивного знания.

Одно из основных значений термина «романтическое» применительно и к поэзии, и к искусству, и к процессу познания – это бесконечное движение, неполнота и незавершённость. Для Шлегеля, создателя этого термина, очевидно, что знание человеческое никогда не придёт к окончательному постижению первооснов, но именно он первым заявил, что эта незаконченность, бесконечное развёртывание – благо, а не недостаток знания.

Кроме того, в мире, где не существует более дуализма материального и идеального, представление субъекта не является уже чем-то принципиально иным по отношению к объекту, а лишь новым уровнем организации жизненной силы, а это значит, что познание и воображение приобретают совершенно особое значение. Теперь представление философа о некоем пред-

мете или видение художника не являются вторичными по отношению к объектам, как в платонизме, или сущностями иного, субъективного, порядка, как в субъективном идеализме. Эти представления порождены самоорганизующей всеобщей жизненной силой, то есть оказываются ни больше ни меньше как следующей ступенью самоорганизации объекта.

Но как же столь важная для романтиков свобода, возможная в построениях Фихте, может существовать в мире, где все вещи связаны друг с другом множеством прочнейших связей? Чтобы сохранить царство человеческой свободы, Кант и Фихте требуют разделения субъективного и объективного, принципиального разграничения феноменального мира необходимости, где действуют неумолимые законы природы и ноуменального мира, подчиняющегося моральным законам, установленным разумом и допускающим свободу выбора. Следуя натурализму Спинозы, романтики поместили всё, включая субъект, в природу и под власть законов природы, не допуская, в противоположность тому, что утверждает популярное представление о романтизме, никакой спонтанности или случайности. Они утверждали, что всё происходит по необходимости, но при этом, придав природе не механический характер, а интеллектуальность и одухотворённость, отрицали механистический детерминизм. Природа действует не по неким извне данным законам необходимости, напротив, двигаясь по собственным внутренним целям, природа формирует законы и порядок своего движения. А это значит, что отрицая возможность свободы для отдельных форм бытия, Шеллинг и Шлегель утверждали свободную волю самой природы, жизненной силы или Абсолюта. «Индивидуальная свобода противоречит едва ли не всем свойствам высшего существа, например его всемогуществу» [9. С. 91], но «высшее, до чего могут подняться наши идеи, очевидно, существо, которое в своей самоудовлетворённости наслаждается одним собственным бытием, существо, в котором прекращается всякая пассивность, которое ни к чему, даже к законам не относится страдательно, действует абсолютно свободно только соответственно своему бытию и чей единственный закон есть его собственная сущность» [10. С. 73].

Соответственно, в рамках органической теории, человек – как отдельное существо – подвержен силе высших законов, как и все в мире, но как часть целого – он свободен. И именно через его волеизъявления, замыслы и поступки осуществляется, в том числе, всеобщая мировая свободная воля. «Человек свободен, – писал Фридрих Шлегель, – поскольку он есть высшее воплощение природы» [11].

Важно отметить, что если романтики оставили в своей системе место для свободы, то это была уже далеко не та полная, спонтанная свобода, которой многие из них восхищались в ранние периоды творчества, окрылённые революционными идеями.

Таков, по романтическим представлениям, мир – бесконечно движущийся, замкнутый организм, в котором все неизмеримо малые части – отражение всего целого. Мир саморазвёртывающийся в своём внутреннем вре-

мени, неустанно стремящийся к своей цели – совершенствованию себя и каждой своей части. И каждая часть облагорожена в нём непосредственным участием Бога – Абсолюта, не изъятого из мира, а являющегося его живым центром.

Несмотря на то что ранние немецкие романтики отнюдь не представляют собой сплочённой группы единомышленников, а скорее предстают вполне независимыми своеобразными мыслителями, они создали определённую систему представлений, которая обобщается исследователями в философию немецкого романтизма. Если Шеллинг действительно оставил организованную философскую систему, то Шлегель и Новалис лишь в заметках, статьях и фрагментах высказывали свои идеи. При некоторых расхождениях, в размышлениях романтиков обнаруживаются закономерности, демонстрирующие общее направление мыслей. И многие представления их дополняют друг друга, формируя совершенно особое единство, которое обеднело бы без взаимовлияния и взаимодополнения. Как целое природного организма, не сводящееся к сумме своих частей, где каждая часть является независимой, но включает в себя идею целого, немецкий романтизм в объединении взглядов виднейших романтиков представляет собой самобытную метафизику, в которой все предшествующие философские системы серьёзнейшим образом переработаны для органичного соединения.

Главная методологическая задача, которую ставили перед собой все немецкие романтики при создании своей философской системы – это слияние природы и поэзии. Новалис писал: «Поэт постигает природу лучше, нежели разум учёного» [12]. Романтики действительно стремились к всеобщему синтезу – наук, философии, музыки и искусства – но в данном случае, более специально, предполагали, что философия есть плод союза науки (естествознания) и поэзии. «Философия представляет собой результат борьбы двух сил – поэзии и практики. Там, где они полностью пронизывают друг друга и сливаются воедино, возникает философия; если же она опять распадается, она становится мифологией или возвращается в жизнь» [13], – писал во «Фрагментах» Фридрих Шлегель. Всё романтическое направление мысли стремится к искусству, к эстетизации. Такова же и романтическая метафизика – построенная на прочном основании научных достижений и авторитетных философских концепций, она приводит к искусству и стремится стать произведением искусства – возвышенной и прекрасной поэмой. «Поэзия обретает высшее достоинство, она в конце концов становится тем, чем была в начале – наставницей человечества; не станет более философии, не будет истории, одна поэзия переживёт все науки и искусства»³.

Так и основная для романтической метафизики идея – о природе как организме, радостном, деятельном, независимом и плотно связанном в самом себе со всеми своими частями – идея эта в наше время может показаться чрезмерно поэтической. И, тем не менее, она прекрасна! А, как утверждают

³ Фрагмент, традиционно приписываемый Шеллингу. Цит. по [14. С 36].

романтики, истинное постижение Абсолюта возможно только через эстетический опыт – то есть любование прекрасным в природе.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Schlegel, Friedrich von*. Kritische Ausgabe. – Paderborn: Schoenigh, 1958.
2. *Frank Manfred*. The philosophical foundations of Early German Romanticism. State University of NY Press, 2004.
3. *Гулыга А.* Шеллинг. ЖЗЛ. – М.: Молодая гвардия, 1982.
4. *Габитова Р.М.* Философия немецкого романтизма. – М.: Наука, 1978.
5. *Beiser Frederick C.* The Romantic Imperative. The concept of Early German Romanticism. – Harvard University Press, 2003.
6. *Шеллинг Ф.В.Й.* Идеи к философии природы как введение в изучение этой науки. – СПб.: Наука, 1998.
7. *Гулыга А.* Шеллинг. ЖЗЛ. – М.: Молодая гвардия, 1982.
8. *Beiser Frederick C.* The Romantic Imperative. The concept of Early German Romanticism. – Harvard University Press, 2003.
9. *Шеллинг Ф.В.Й.* Философские исследования о сущности человеческой свободы и связанных с ней предметах: соч. – Т. 2. – М.: Мысль, 1989.
10. *Шеллинг Ф.В.Й.* Философские письма о догматизме и критицизме: соч. – Т. 1. – М.: Мысль, 1989.
11. *Schlegel Friedrich von*. Transcendentalphilosophie. Kritische Ausgabe. – Paderborn: Schoenigh, 1958.
12. *Новалис*. Фрагменты. Зарубежная литература XIX века: Романтизм: Хрестоматия историко-литературных материалов. – М.: Высш. шк., 1990.
13. *Шлегель Фридрих*. Фрагменты: эстетика, философия, критика. – Т. 1. – М.: Искусство, 1983.
14. *Гулыга А.* Шеллинг // ЖЗЛ. – М.: Молодая гвардия, 1982.

NATURE AND RELIGION IN ROMANTIC METAPHYSICS

A.A. Chernichkina

Contrary to the general preconception, the German romanticists were not adherents of Fichte's subjective idealism. The romanticists developed their own metaphysics on the basis of his philosophic system, counterbalanced by Spinoza's realism and the ideas of monism and pantheism borrowed by the romanticists from his teaching. Underlying it was Schelling's doctrine of nature as a closed integral organism consisting of other organisms closely related to one another. In their system, they tried to unite nature and religion and restore the Creator to His legitimate place in creation. That is, after Hume and Kant, who had destroyed traditional metaphysics, it was the romanticists who tried to restore its major philosophical principles

Key words: metaphysics, nature, religion, the first principle of philosophy, natural philosophy, realism, idealism, unity of subject and object, science, organic concept of nature.